

Изобретения и изобретатели

3 июля 1960 года ЦК КПСС и Совет Министров СССР установили новый порядок «стимулирования внедрения новой техники и автоматизации», разрешавший предприятиям полученную в результате освоения в производстве изобретений и других новаций прибыль не перечислять в бюджет, а оставлять себе. Таким образом, по мысли отца, директора окажутся материально заинтересованными в обновлении продукции, внедрении на своих заводах новых машин и технологий. Образно говоря, он хотел повесить перед их носом «морковку».

«Морковка», однако, оказалась малодейственной. В чем же тут дело? Всякая серьезная новация таит в себе немалый риск. Изобретатель – обычно человек одержимый, убежденный, что его идея гениальна, он осчастливит человечество, обогатится сам и обогатит всех, кто его поддержит. Настойчивость его не знает пределов. Ответ же, прав он или нет, таится в будущем, а оно нам неведомо. Новые идеи всегда кажутся сумасшедшими. Большинство их на проверку действительно оказываются сумасшедшими, неосуществимыми, невнедряемыми и бесполезными. Но объяснить этого изобретателю невозможно, он всегда найдет «неоспоримые», по крайней мере для него самого, доводы в свою пользу. Девяносто процентов изобретений, я говорю о новациях, а не усовершенствованиях уже известного, принадлежат именно к такой нереализуемой категории. Из оставшихся десяти процентов лишь малая толика принесет прибыль, и только единицы способны «перевернуть мир». Изобретатель же предлагает советскому директору или западному предпринимателю поставить на кон все: репутацию, деньги, ресурсы, и все ради того, чего никогда никто не делал. Прошлый опыт и логика тут плохие помощники. Никто и никогда не ездил на самодвижущихся повозках. Никто и никогда не летал на аппаратах тяжелее воздуха. Никто и никогда не доверял расчет своих доходов и расходов электронному ящику. Никто... Никогда... Здравый смысл всеми способами препятствует, сопротивляется, доказывает, что такого не может быть, потому что не может быть никогда. Так в свое время французские академики, основываясь на логике и предыдущем опыте, постановили, что камни с неба падать не могут, и сообщения о подобных глупостях они принимать к рассмотрению отказываются. Речь тогда шла о метеоритах. В такой ситуации остается только довериться интуиции. А она может и подвести.

Отец, как я уже писал, по складу характера и природной любознательности скорее поддерживал новые идеи, чем отвергал. И хотя он старался проявлять осторожность, всю равно не раз попадался на удочку «одержимых изобретателей». Чего стоил один Лысенко! Он истово верил в свое предназначение, в свое толкование природы, в то, что он принесет процветание и стране, и людям. Не знаю, уж какой он обладал гипнотической силой, но вопреки логике он сумел обратить в свою веру и сверхподозрительного Сталина, и отца. Оба они поверили Лысенко, поставили на него и потерпели сокрушительное поражение, растратив при этом громадные ресурсы.

Отцу еще везло, Лысенко – исключение, большинство его протеже: ракетчики Королев, Янгель, Челомей, строитель-инженер Козлов, селекционеры Пустовойт или Лукьяненко, корабельщик Ростислав Алексеев, перечисление можно продолжить, оказались не пустоцветами.

К сожалению, отрицательных примеров изобретательства-прожектерства в истории накопилось больше, чем положительных, от мага Калиостро до средневековых алхимиков.

Все они, как и Лысенко, истово верили в свою правоту, обладали даром убеждения, все они впустую растрачивали свои и не свои богатства. Именно потому, что наперед почти невозможно отличить реальное изобретение от нереализуемой пустышки, руководители крупных компаний, директора преуспевающих предприятий к «изобретателям» испытывают предубеждение, на риск идут крайне неохотно. Особенно в советских условиях, когда выпускаемый их заводами продукт и так распродается без остатка. От добра добра не ищут. Так рассуждали советские директора-монополисты, так рассуждали и рассуждают капиталисты, президенты крупнейших мировых компаний. На худой конец, права на потенциальное изобретение, чтобы им не завладели конкуренты, покупают впрок и отправляют его в долгий ящик.

Чтобы не казаться голословным, приведу пример. Зависть и восхищение вызывает успешность на мировых рынках компьютерной компании IBM. Во время Второй мировой войны она, благодаря эффективности менеджмента и интуиции ее основателя Томаса Уотсона, не столько захватила, сколько создала рынок калькуляторов-табуляторов и прочно обосновалась на нем. Устойчивый сбыт, огромные прибыли не побуждали к инновационному риску. Хотя IBM и обладала лучшими в мире исследовательскими лабораториями, но они улучшали уже изобретенное, закрепляли уже завоеванные позиции.

Пришедший на смену отцу Томас Уотсон-младший в книге воспоминаний не скрывает, что IBM проглядела транзисторы, прозевала микросхемы.

Спохватывались только тогда, когда конкуренты, первыми освоившие «сомнительные» новшества, начинали их обходить. Хваткому менеджменту IBM обычно удавалось восстановить лидерство на рынке. Подчеркну – восстановить. Рисковать успешная компания резона не имела. Том Уотсон-младший, мне с ним удалось познакомиться, любил рассказывать поучительную историю из собственной жизни. На заре постиндустриальной революции, а может быть, еще до нее, никому не известный изобретатель новой копировальной технологии, того, что мы сейчас называем «ксерокс», настойчиво стучался в двери IBM. Томас Уотсон-младший, тогда президент компании, его принял, внимательно выслушал и дал от ворот поворот, уж слишком сомнительным показалось ему изобретение. Зачем рисковать, если дела и без него идут успешно?

В конце концов изобретатель нашел поддержку в другом месте. Прошло не так уж много времени, и производители копировальных машин по мощи сравнялись с «самой» IBM. На этом месте Том Уотсон-младший всегда делал театральную паузу и завершал: «Поступи я в тот день иначе, и сегодня IBM с «Ксероксом» работали бы под одной крышей».

Совершил ли Том Уотсон ошибку? Личную – безусловно, да. Но корпоративную – нет. Он следовал логике руководителя успешного предприятия. Риск без необходимости – уже не риск, а безрассудство. Это правильно, как правильно и то, что новое само пробивает себе дорогу, если ее, конечно, удастся пробить.

Заглянем чуть глубже в историю, вспомним, как великий американский изобретатель Томас Альва Эдисон увещевал молодого Генри Форда бросить возиться в сарае с «керосинкой» – будущим автомобилем марки «Форд», заняться серьезным делом, не бензиновым мотором, а электродвигателем в его, Эдисона, компании «Дженерал Электрик». Тогда она называлась иначе. А несколько десятилетий до этого самого Эдисона серьезные люди его времени держали за городского сумасшедшего. Пока он самостоятельно не выбился в люди и не основал свою компанию. «Самостоятельно» – это ключевое слово коммерческого успеха большинства новых технологий. Научно-технический прогресс тут следует по проторенной тропе биологической эволюции, бесчисленно количество мутаций живых организмов, но выживают, дают потомство – единицы. Вот этим единицам покоряется будущее.

Десятки, сотни тысяч сумасшедших, полусумасшедших и вполне нормальных изобретателей на собственный страх и риск или, на худой конец, с помощью верных друзей

и доверчивых инвесторов пытаются протолкнуть свои идеи. Согласно законам эволюции, подавляющее большинство из них, не добившись ничего, сходят с дистанции. Только единицы настоящих изобретателей становятся знаменитыми и богатыми. И в свою очередь, они теперь начинают отбиваться от осаждающих их изобретателей. И первый, «яблочный», компьютер произвели на свет не в оборудованной лаборатории, а в гараже. И король программного компьютерного обеспечения Билл Гейтс выбился в люди сам. Можно вспомнить и Тэда Тернера с его Си-эн-эн, или еще множество других, кого мы уже знаем и кого нам еще только предстоит узнать.

Таков естественный путь технического прогресса, столь же естественный, как и появление новых видов организмов в живой природе. Ни то ни другое невозможно ввести в бюрократическое русло, подчинить написанным где-то какими-то умными людьми инструкциям, поставить в зависимость от заключений других умных людей. На самом деле революционная новая идея потому считается сумасшедшей, что ни один уважающий себя профессионал не рискнет ради нее своей репутацией разумного человека.

Так что «благое» Постановление, стимулировавшее директоров за внедрение новой техники, мало что могло изменить. Тут требовалось менять систему так, чтобы заложенное самой природой стремление выбиться, завоевать себе место под солнцем, возвыситься, реализовывалось бы естественным путем, а не через поддержку сверху. Другими словами, для обеспечения научно-технического прогресса следовало обеспечить свободу... Свободу чего? Предпринимательства? Наверняка нет. Скорее всего, свободу равных возможностей. Интуитивно отец выбирал именно этот путь. Вводя принципы материальной заинтересованности, он двигался в направлении освобождения производителя, а с ним и изобретателя от терний централизованной бюрократии, но пока только еще только нащупывал путь.

О новых радикальных переменах серьезно он еще не думал. Региональное управление, совнархозы его устраивали. Пока устраивали.